

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ: «Не верю, что остался живым...»

Запомнилась первая встреча. Дверь открывает статный, красивый мужчина, выглядящий намного моложе своих лет, с газовым пистолетом в руке...

— Извините, я знал, что вы придёте, но тут меня одни шакалы на машине подрезали, а теперь обещали прийти разбираться. Жду. Пойдёте на кухню.

Крепкое рукопожатие, цепкий взгляд, в глазах некоторая лукавинка. Пистолет нашёл своё место за брючным ремнём.

— Слушай, корреспондент, выпить хочешь? Моя Нинка только к вечеру будет.

— Да я как-то, знаете...

— Не бойсь. У меня тут резерв Верховного Главнокомандующего.

С этими словами Кондратьев вышел в коридор, снял со стеллажа несколько книжек и достал оттуда коньяк.

— Слушай, корреспондент, а тебя как зовут? Слава? И я Слава! Давай так и будем обращаться.

— Но, Вячеслав Леонидович...

— Хорошо, давай без Леонидовича...

Мы просидели часа четыре. Материала было собрано море, а писатель всё не отпускал. Я, в общем-то, и не возражал — редко можно встретить такого интересного собеседника. Мы долго говорили о России, литературе и, конечно, о войне. Говорили обо всём, что волновало население страны в то время. На дворе стоял октябрь 1990 года.

Кондратьев считал, что поздно пришёл в литературу. Ведь своего знаменитого «Сашку» он опубликовал, когда ему было 49 лет. Демобилизовавшись в 1946-ом, будучи инвалидом войны, мог на льготных условиях поступить в любой вуз, в том числе и в Литинститут. Однако «покрутившись» возле известного особняка на Тверском перекрестке, он решил поступить в школу. Тогда Кондратьев устремил взгляд на полиграф, решив получить профессию художника-плакатиста. А так как он серьёзно увлекался рисованием ещё в школьные годы, то легко был принят в институт. После учёбы художника распределили в издательство «Плакат». Он там неплохо зарабатывал, и уже в 1952 году сумел купить первый автомобиль — «Москвич-400».

Неоднократно упоминал Вячеслав Леонидович в наших беседах, что никогда не работал над политическим плакатом, хотя за него больше платили. Просто в его семье старались избегать разговоров на эту тему. Писатель ещё в школьном возрасте понял, что «политика — дело скверное», а потому лучше её не трогать.

Но война «не отпускала». И вот осенью 1961 года Кондратьев решил поехать под Ржев, где происходили самые страшные бои за весь период Великой Отечественной. И это мнение не только писателя-фронтовика, но и сотен ветеранов, прошедших войну «от и до».

Наших в смоленских лесах полегло немеренно. И то, что увидел Кондратьев на полях сражений спустя 16 лет после Победы, потрясло его до глубины души. Сотни, тысячи скелетов красноармейцев в истлевших гимнастёрках лежали

там, где их застигла смерть. Вокруг — искорёженная техника, немислительное количество огнестрельного оружия, начавшие осыпаться окопы.

«Прошёл по передовой, нашёл все шесть деревень, которые пришлось брать, и только в одной теплилась жизнь. От остальных остались лишь остовы печных труб. Вот бреду я в царстве Аида и не верю. Не верю, что остался живым. Ведь тоже мог остаться подо Ржевом, и мой скелет, так и не преданный земле, мог остаться

начинающему автору: «Вот что я предчувствую: ваша "Ржевская проза" будет хороша и нежна, если вы займётесь ею серьёзно, если меньше будет от автора и больше будет людей».

Кондратьев поверил в предчувствия большого писателя и принялся за работу. У него появился цикл рассказов, объединённых общей темой войны. В этот период и была написана знаменитая повесть «Сашка», которую впервые опубликовали с предисловием Константина

та... И чем больше писатель погружался в творчество (он не любил это слово — «слишком ко многому оно обязывает»), тем больше предавался размышлениям о роли литературы в нашей жизни, о писательском мастерстве. «Мне думается, что истоком каждого настоящего творчества является искупление вины человека перед кем-то. Если это чувство отсутствует, то получается беллетристика или какая-то лёгкая профессиональная работа. А

по перу, в том числе и с Виктором Платоновичем Некрасовым.

В послесловии к повести «В окопах Сталинграда», изданной в Лондоне, Некрасов написал, что его часто спрашивают на Западе, добавил бы он что-нибудь к «Окопам», а он отвечал, что нет, так как «эта вещь написана с ходу, по следам событий» и там он написал «99 процентов правды». Эти слова Кондратьев относил и к себе: «97-99 процентов всего, что мною написано, — правда. Про остальное мы просто умолчим».

Однажды мы с писателем на его «жигулях» ехали по Садовому кольцу, остановились возле особняка Берии. «Давай выйдем», — предложил Кондратьев. Какое-то время крутились возле забора этого мрачного, с явно выраженной негативной энергетикой здания. Я никак не мог понять, зачем мы это делаем. Неожиданно Вячеслав Леонидович спросил:

— Слушай, а ты бы с этого места смог докинуть лимонку до крыльца?

— Запросто.

— И я бы докинул, — сказал Кондратьев. — Вот с этого места и было совершено покушение на Берии. Это мой герой сделал.

Так автор проверял написанное, если было сомнение в состоявшемся факте.

В конце жизни Кондратьев решил поднять новую для себя тему — разобраться во влассовском движении: «В Русской освободительной армии оказалось около миллиона человек. Почему это произошло — вот вопрос, к пониманию которого мне хотелось бы приблизиться. На мой взгляд, это движение было в какой-то мере продолжением гражданской войны. Раньше такого в России никогда не было, за исключением, пожалуй, княжеских междоусобиц, когда на стороне противника воевали русские вояжи. История РОА — большая трагедия, и её солдаты тоже жертвы сталинского режима. Об этом я и хочу написать».

Действительно, то, что выпало поколению фронтовиков, то, что испытали наши деды и отцы, трудно даже представить. А как же личная жизнь? Как воспринимают свою судьбу прошедшие войну от Ржева и до Берлина? Как её воспринимал Кондратьев?

«Судьба мне улыбнулась трижды. Во-первых, я остался живым на войне, — словно ещё раз родился... Ведь война для нас была звёздным часом. Во время неё мы почувствовали себя гражданами в полном смысле этого слова... А во-вторых, сумел себя как-то реализовать, что удалось далеко не каждому из моих сверстников. Наше поколение фронтовиков — потенциальное поколение. После войны нас сознательно спаивали. В Москве на каждом переулочке стояли пивные палатки. Куда ни пойдёшь — не минуешь. Нас было человек двадцать друзей-фронтовиков, и многие окончили жизнь трагически. Кто застрелился, кто повесился, кто умер от туберкулёза, кто спился... Мне удалось выкарабкаться из этой ямы только благодаря жене Нине. Так я родился на свет в третий раз».

Вячеслав Леонидович Кондратьев и Николай Константинович Старшинов. Что объединяет этих двух замечательных мастеров русской словесности? Война! Та самая — «подлая!» И святая! «Священная война!» Волею журналистской судьбы мне неоднократно приходилось встречаться с этими удивительными людьми, которые оставили неизгладимый след в моей памяти.

лежать вместе с остальными».

Эта поездка (а их было несколько) так потрясла художника, что Кондратьев взялся за перо. Таким образом, возникла «Ржевская проза»: воспоминания, эссе, детали фронтовой жизни — всё, что так или иначе было связано с войной.

В 1968 году Кондратьев решил показать свои наброски Солженицыну, поехал в Рязань с пятью общими тетрадками, исписанными от руки. О том, что текст следовало бы положить на машинку, у Вячеслава Леонидовича даже не возникло и мысли. Вскоре пришёл ответ. Александр Исаевич предложил такое напутствие

Симонова в журнале «Дружба народов» в 1979 году.

«Сашку» подхватили театры, сняли кино, перепечатавали, издали за рубежом. Казалось, от такого успеха у автора должна была пойти голова кругом. Но Кондратьев не «зазвездил», не остался автором одной книги, а получив столь мощный эмоциональный импульс, принял решение прекратить писать плакаты и перестать за письменный стол.

Из-под его пера вышло много замечательных произведений: повести «Отпуск по ранению», «Встречи на Сретенке», «Записки инженера», «Селигерский тракт», роман «Красные воро-

вот глубинная причина, поиск настоящего в литературе, в искусстве — это поиск вины».

У Распутина — вина перед крестьянством, перед родителями, у Астафьева, Можая — вина перед тем, что они выскочили, не попали в ту мясорубку, в которую попали их близкие, у меня — искупление вины оставшихся в живых перед мёртвыми».

Размышляя о литературной кухне, Кондратьев рассказывал, что никогда не выстраивает сюжет, не составляет плана, а даёт своим героям свободно жить и дышать. На его взгляд, непредсказуемость и есть главное в литературе. Писатель был знаком со многими собратьями

Николай СТАРШИНОВ: «Я сорок с лишним лет ношу твои осколки...»

Николай Старшинов сформировался как поэт благодаря (а может, вопреки?) окопам Великой Отечественной. Его, безусловно, можно причислить к славной плеяде поэтов-фронтовиков, ставших властителями дум несметного числа советских людей, испытавших на себе все тяготы войны и её последствий. Только не нужно его ни с кем сравнивать. Он — поэт! И этим всё сказано. К сожалению, сегодня имя Николая Константиновича Старшинова стало постепенно исчезать из памяти народа. А жаль! Эта личность достойна того, чтобы о ней всегда помнили хотя бы те, кто не равнодушен к отечественной поэзии, а тем более взрослое поколение современных авторов, ставших профессионалами при искренней поддержке своего наставника. Скольким из них он дал путёвку в жизнь, помог выпустить первые сборники...

После окончания Литинститута в 1955 году Николая Константиновича приняли литсотрудником в отдел поэзии журнала «Юность», где он проработал почти восемь лет, до ухода на «вольные хлеба». Одновременно в эти годы Старшинов возглавлял литобъединение МГУ.

Но — ох! — кто бы знал, как оказались тяжёлы эти хлеба. И в 1972 году Старшинова, никогда не состоявшего в партии, утверждают на должность редактора альманаха «Поэзия». (Всего было издано 59 томов, альманах прекратил существование летом 1991-го в связи с развалом Союза). И уже одно то, что в 1976 году в альманахе было напечатано стихотворение Владимира Высоцкого (единственная прижизненная публикация!) говорит о порядочности и мужестве его редактора. Какой тогда разгорелся скандал! Сколько новых седых волос он добавил Николаю Константиновичу...

В те же годы Старшинов становится главным редактором отдела поэзии издательства «Молодая гвардия».

Здесь стоит упомянуть и о педагогической деятельности Мастера. В 1977-ом поэт возвращается в альма-матер: доцент Старшинов набирает первый свой семинар студентов-заочников Литинститута.

Кабинет главного редактора был завален рукописями. Они лежали на подоконнике, на книжном шкафу, громоздились высочайшими стопками на полу, заняли все стулья и кресло, не говоря уже о письменном столе. Казалось, что ещё чуть-чуть, и вся эта масса бумаги рухнет, обвалится на хозяина кабинета, и он в буквальном смысле будет погребён под рукописями начинающих поэтов. Однако Старшинов прекрасно помнил, где какая подборка стихов находится, и прекрасно ориентировался в своем «бедламе». И вот если представить те тонны рукописей, которые прошли через руки Мастера, то можно сойти с ума. Они просто не поддаются измерению.

Хотелось бы отметить такую особенность поэта: Старшинов обладал феноменальной, можно сказать магнитофонной памятью на стихи. Стоило ему услышать авторское чтение, как он тут же начинал цитировать понравившиеся строки. Когда читал с листа, то почти сразу же выучивал всё стихотворение. Конечно, не всякие стихи запомнил поэт, а лишь те, что понравились, приглянулись, «зацепились». А если он редактировал сборник (когда Старшинов брался за это дело, значит, ему был симпатичен автор), то мог его почти весь процитировать.

Трата львиную долю времени на работу с молодыми авторами, Старшинов находил возможностью и для своего творчества. И можно только предположить, сколько замыслов и набросков осталось в черновиках, не доведённых, недоработанных по причине постоянного цейтнота. И тем не менее, из-под его пера вышло 43 книги стихов и мемуаров.

Спрашивается: откуда? как? почему? Из каких глубин поднимаются, из каких корней вырастают крупные русские поэты?

Наш герой стал восьмым ребёнком в семье московского бухгалтера. Он появился на свет 6 декабря 1924 года. Именно в этот день православная церковь чувствует святого Николая Чудотворца. Отсюда — имя будущего поэта. Многодетная семья жила дружно, но бедно. А чем было заниматься длинными зимними вечерами? Ни радио, ни денег на посещение «синема» или театра...

Зато книги! Их было много. И почти каждый вечер вся семья усаживалась за чтение. Читал кто-нибудь один из старших братьев, остальные слушали. Если чтец уставал, то его меняли. Как рассказывал мне Николай Константинович, иногда читали по три-четыре часа. Вся русская классика: от Пушкина до Маяковского. Тут и Фет, и Тютчев, и Полонский, и любимыми всеми Есенин. А также Лонгфелло, Беранже, Гейне, Гёте... И так как эти авторы читались и перечитывались, Старшинов знал их тексты наизусть. И потом, уже в Литинституте, когда приходилось сдавать экзамены по отечественной и зарубежной литературе, детские впечатления-воспоминания ещё как пригодились!

Родители поэта — выходцы из крестьян. Отец Константин Никитич родом из Владимирской губернии, матушка Евдокия Никифоровна — из Тульской. Крестьянское отношение к жизни Николай Константинович сохранил на все годы. Этому в немалой степени способствовало его раннее знакомство с деревней. Под Сергиевым Посадом, в селе Рахманово, Старшинов-старший поставил небольшую избу-пристройку. С

тех пор каждое лето, вплоть до самой войны, младшие дети (те, кто учились в школе) проводили время в деревне и жили по её законам.

В семь лет маленький Коля поймал первую щуку... Рыбалка стала страстью до конца жизни. Он завоевал такой авторитет у рыболоволюбителей, что Госкомспорт России по сей день проводит соревнования по подлёдному лову рыбы на «Кубок памяти Николая Старшинова»...

Потом была война. Самая страшная, самая беспощадная. Он пробыл на ней всего семь месяцев. Всего? Не дай нам Бог испытать то, что испытали они. Старшинов попал в пехотное училище, и через два месяца, недоучившись, в январе 1943 года, — на фронт. Заместитель командира пулемётного взвода. В августе 1943-го под Спас-Деменском Старшинов в своём последнем бою получает тяжелейшее ранение ног — осколками разорвавшейся рядом мины.

Война! Твоя страшный след живёт в архивах пыльных, В полотнощах побед И в нашушевших фильмах.

Война! Твоя горький след — И в книгах, что на полке... Я сорок с лишним лет Ношу твои осколки.

Чтоб не забыл в войне Твоих великих тягот, Они живут во мне И в гроб со мною лягут. Война...

И здесь хочется рассказать о потрясающем событии, мало кому известном. В разгар боевых действий, в канун великого сражения под Курском, командование Западного фронта решило провести семинар фронтовых поэтов. Вы только вдумайтесь! Май 43-го. Начинается сокрушительная битва. И вдруг — поэтический семинар! Как тут не вспомнить Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...» А Старшинов публиковал свои стихи во фронтовой газете. Его сдёрнули с «передка» и пригласили на семинар. К сожалению, поэт не успел на него попасть, так как семинар длился... один день. Однако факт остаётся фактом.

Февраль 1944 года. Сержант Старшинов, демобилизованный по инвалидности, возвращается домой, а в марте поступает в Литинститут! Однако учится в нём... одиннадцать лет. В том же году Николай знакомится в институте с Юлией Друниной, которая становится его первой женой. Они прожили тринадцать лет в трогательной любви и дружбе, но, как это случается в жизни, расстались. Такое часто бывает в среде творческой интеллигенции.

Вторая жена Николая Константиновича, Эмма Багданас, работала звукооператором на Вильнюсском радио. Они поженились в июле 1960 года. Это брак оказался долгим и счастливым — на всю жизнь.

Старшинов встречался с блистательными мастерами поэтического слова своего времени, а со многими и дружил. Среди них Николай Заболоцкий, Леонид Мартынов, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Николай Глазков, Михаил Светлов, Ярослав Смеляков... Были у Николая Константиновича и недруги. В первую очередь, графоманы, стихи которых он не допускал к печати, а также известные литераторы, совершавшие благородные поступки по отношению к своим собратьям по перу. Например, те, кто поддерживал гонимые на Бориса Пастернака.

Было у Николая Старшинова помимо рыбалки ещё одно увлечение — собирание чащущу. Конечно, он, полугородской-полудеревенский житель, знал их достаточно, но когда о хобби поэта узнала страна, ему начали присылать чащущу со всего Союза. Их число достигло 35 тысяч, не считая тематических вариантов.

Иногда, отвечая на какой-нибудь вопрос, Старшинов весьма удачно применял чащущу. Смелость предположить, что если бы его спросили, что он думает о жизни в современной России, то в ответ услышали бы:

Зажгло сердце-зрудь, Нельзя ни охнуть, ни вздохнуть.

Николай Константинович Старшинов теперь говорит с нами из Космоса. Мастер ушёл из жизни 6 февраля 1998 года. Поэт похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.